

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 248.1

Митрополит Калужский и Боровский Климент

(Г. М. Капалин)

кандидат богословия,

доктор исторических наук

Metropolitan of Kaluga and Borovsky Clement

(G. M. Kapalin)

Ph.D. in Theology, Doctor of Historical Sciences

О ПЕРЕПИСКЕ СВЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА С ИГУМЕНОМ
АГАФАНГЕЛОМ (ВОСКРЕСЕНСКИМ) ПО ВОПРОСУ О
ВЕЩЕСТВЕННОСТИ ПРИРОДЫ АНГЕЛОВ

ON THE CORRESPONDENCE OF SAINT THEOPHAN
WITH HEGUMEN AGAFANGEL (VOSKRESENSKY) ON THE
QUESTION OF THE MATERIALITY OF THE NATURE OF
ANGELS

Аннотация. Фонд святителя Феофана (Говорова) в архиве Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне содержит значительную часть его переписки, которую он вел в период пребывания в Вышенском монастыре. Недавно среди писем, хранящихся там, была обнаружена переписка с игуменом Агафангелом (Воскресенским), настоятелем Троице-Сергиевой пустыни Петербургской епархии. Она датирована 1891 годом и является продолжением дискуссии епископа Феофана и епископа Игнатия (Брянчанинова) о естестве ангелов. Хотя епископ Игнатий к тому времени уже скончался, игумен Агафангел пытается защитить его позицию по этому вопросу, изложенную в «Слове о смерти»

и Приложении к нему. Епископ Феофан в своем ответе игумену Агафангелу по пунктно разбирает данный вопрос.

Abstract. The Fund of Saint Theophan (Govorov) in the archives of Saint Panteleimon monastery on mount Athos contains a significant part of his correspondence, which he conducted during his stay in the Vyshensky Monastery. Recently, among the letters stored there, a correspondence was discovered with Hegumen Agafangel (Voskresensky), Abbot of the Trinity-Sergius desert of the St. Petersburg diocese. It is dated 1891, and is a continuation of the discussion between Bishop Theophan and Bishop Ignatius (Bryanchaninov) about the nature of angels. Although Bishop Ignatius had already passed away, Hegumen Agafangel tries to defend his position on this issue, as set out in the «Word of death» and its Appendix. Bishop Theophan, in his response to Abbot Agafangel, examines this question in detail.

Ключевые слова: святитель Феофан (Говоров), святитель Игнатий (Брянчанинов), игумен Агафангел (Воскресенский), природа ангелов, «Слове о смерти», дух, тело.

Key words: Saint Theophan (Govorov), Saint Ignatius (Bryanchaninov), Hegumen Agafangel (Voskresensky), nature of angels, «Word of death», spirit, body.

Наследие святителя Феофана, пристально изучаемое уже более века, все еще таит новые открытия. Каждая находка, пополняющая огромный объем его сочинений и писем, представляет интерес не только с точки зрения науки, но и, прежде всего, как слово опытного аскета, который внес существенный вклад в отечественную сотериологию. Святитель всецело посвятил себя этим трудам после смены многозаботливости архиерейского служения на жизнь в уединенном монастыре. В этот период святитель Феофан в первую очередь занимался теми вопросами, которые назрели еще во время его управле-

ния Тамбовской и Владимирской епархиями и ожидали окончательной разработки и публикации. К ним относится учение о природе ангелов, которое святитель Феофан изложил в форме полемической брошюры на сочинения святителя Игнатия Брянчанинова «Слово о смерти» и Приложение к нему.

К тому времени епископ Игнатий мирно отошел ко Господу, и выход критического разбора его произведений был воспринят его учениками и последователями с неодобрением. В 4-м томе «Летописи жизни и творений святителя Феофана, Затворника Вышенского» опубликована переписка епископа Феофана с единомышленниками епископа Игнатия игуменом Антонием (Бочковым) и полковником С. А. Первухиным. Письма первого из них и ответы ему святителя были обнаружены на Афоне, а переписка со вторым дополнена благодаря находкам в Киеве.

Но я остановлюсь на другом письме по этому вопросу, адресованному святителю Феофану, и его ответе, также неизвестных исследователям и читательской аудитории. Речь идет о выявленной в архиве Афонского Пантелеимонова монастыря, в бумагах епископа Феофана переписке с игуменом Агафангелом (Воскресенским), наместником Троице-Сергиевой пустыни Петербургской епархии [1; 2].

Оба письма, судя по другим свидетельствам, в которых они упоминаются, датированы 1891 г. Игумен Агафангел в то время, по его же свидетельству, был «уже старик по[чти] 70 л[ет], и в должности своей... около 30-ти лет». В своем пространном письме он пытается доказать правоту святителя Игнатия и, будучи уверен в своих доводах, предлагает епископу Феофану изменить свое мнение и написать по этому вопросу новое «крупное, систематическое произведение».

Сожалая о том, что сам святитель Игнатий не имеет возможности ответить на критику, он сводит главную причину полемики к недоразумению: «Я убедился, что... оппоненты друга друга неясно поняли... Повод к недоразумению подал сам пресв. Игнатий не везде ясным и последовательным изложением

своих мыслей...» На это святитель Феофан пишет: «Позвольте мне защитить Владыку. И „Слово о смерти“ и „Прибавление к нему“ написаны со всем вниманием, как и все его сочинения. ...Владыка утверждает и защищает вещественность естества душ и ангелов. Это повторяется у него неоднократно. ...о главной мысли спора недоразумение не может иметь места».

Действительно, еще в бытность епископом Владимирским, преосвященный Феофан писал преосвященному Игнатию: «При всем том добре, которое так веет от книг, содействовать в распространении их поудержусь, пока не удостоверюсь в справедливости мнения о вещественности души. — Мысль сию считаю неправославною и опасною. Приводимые Вами доказательства никак не убедительны. ...С веществом, как его не утончайте, духовные явления никак не вяжутся, и нигде мне не случилось слышать такого учения» [3]. В ответе святителя Игнатия бестелесным признан только Творец: «В собственном смысле — невещественен Один, необъемлемый пространством — Бог. Духи сотворенные бесплотны по отношению к нам» [4]. Об этой переписке при жизни преосвященного Игнатия епископ Феофан сообщает игумену Агафангелу: «Когда я писал к нему, что не могу согласиться с его положением, что душа и ангел — тело, и меня он не обличил в непонимании как следует его положения и сказал только, что остается при своем мнении».

Так же убедительно святитель Феофан аргументирует свою позицию в отношении методики ведения полемики, когда выстраивает ее логическую последовательность: «Появилось ложное учение. Когда его обличили, оно представило в защиту свою доказательства. Я разорил эти доказательства. Вам что следовало сделать? Разорить мои доказательства. — И делу бы конец. Но Вы пошли другою дорогою, оставив напечатанное в моей книжке нетронутым. ...Возражения те и остались в силе».

Опонируя мнению о вещественности природы ангелов, святитель Феофан привел учение святых отцов по данному

предмету. «Особенно ряд отеческих свидетельств разительно опровергает ложную мысль статей («Слово о смерти» и Приложение к нему — прим. авт.), — поясняет он игумену Агафангелу. — ...Были св. отцы, кои намеренно должны были опровергать появлявшееся в их время ложное мнение, точно такое же, какое проповедают и наши статьи».

Отвечая на вопрос об актуальности полемики, святитель Феофан акцентирует серьезность заблуждения: «Вы спрашиваете, чем может быть соблазнительно и вредно это учение? — Тем, что приводя в доказательство вещественности естества ангелов, явления ангелов, располагает к таким же помышлениям и о Боге. И Бог видимо является как ангелы. Если на основании сих явлений ангелов почитать в естестве своем вещественность, что мешает то же заключение вывести и в отношении к Богу, т. е. что и Его естество вещественно. То Бог скажете... как всемогущий может принять на Себя вещественную видимость. Но по тому же всемогуществу, Он может и ангелам дать силу принимать на себя вещественную видимость, оставаясь в естестве невещественным. Вот почему я считаю учение Преосвященного соблазнительным и вредным, и вместе с тем несостоятельным; и вследствие того непозволительным в среде верующих даже и как частное мнение». Таким образом, в письме игумену Агафангелу святитель Феофан, давая ответы на каждый аргумент оппонента, не только убедительно подтверждает мысль о невещественности природы ангелов, но и опасность обратного утверждения.

При этом святитель Феофан неоднократно подчеркивает свое уважение к автору «Слова о смерти»: «Ваше глубокое уважение к Владыке как настоятелю и наставнику Вашему — достопочтенно, равно как и Ваше высокое мнение об его учености, жизни и характере. Но этих сторон моя речь и не касалась. То и другое разделяю с Вами и я; и когда писал свой разбор, его светлое лице ни на одно мгновение не помрачилось в моем внимании»; «о прочих писаниях Владыки и легкого намека нет. Сам же я чту их за высокое их достоинство, как и само-

го Владыку. Я бывал у него и слушал его наставления. Скажу более, — когда подошла черед читать мне уроки по аскетике в академии СПб., подробный конспект этой части христианского нравоучения я прочитал Владыке и получил одобрение его. ...И самое „Слово о смерти“ я почитаю многополезным и назидательным и уверен, что не найдется ни одного из читающих его со вниманием, кто остался без сильного потрясения».

Это лишь основные позиции, высказанные в этой переписке. Детальная ее проработка, как и другие высказывания святителя по вопросу православной ангеологии, могут стать темой отдельных исследований.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Письмо игумена Агафангела (Воскресенского), наместника Троице-Сергиевой пустыни, к епископу Феофану АРПМА. Ф. свт. Феофана (Говорова) // Оп. 24. Д. 43. Ед. хр. 4370. Л. 25–37 об.

2. Письмо епископа Феофана к наместнику Троице-Сергиевой пустыни игумену Агафангелу (Воскресенскому) // АРПМА. Ф. свт. Феофана (Говорова) // Оп. 24. Д. 43. Ед. хр. 4370. Л. 5–13 об. (Черновик); Л. 48–66 об. (Копия).

3. Письмо епископа Феофана к епископу Игнатию (Брянчанинову) от 29 мая 1865 г. // РНБ РО. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 440–441.

4. Ответное письмо епископа Игнатия (Брянчанинова) к епископу Феофану от 7 июня 1865 г. // РНБ РО. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 441–442.

ПЕРЕПИСКА СЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА С ИГУМЕНОМ АГАФАНГЕЛОМ (ВОСКРЕСЕНСКИМ)

«Вскоре после 6 августа¹. Письмо игумена Агафангела (Воскресенского)², наместника Троице-Сергиевой пустыни, к епископу Феофану.

«Преосвященнейший Владыка, Досточтимый Архипастырь. Не знаю, как выразить мою благодарность Вашему Преосвященству за благосклонное позволение написать Вам мой ответ на критический разбор „Слова о смерти“ и „Прибавления к нему“³. Пользуясь позволением, пишу с двойною целию: во-первых, желая защитить автора, обвиняемого, как мне кажется, в том, в чем он неповинен, я намерен смягчить строгий суд и приговор над ним; во-вторых, почтительнейше просить Вас, Владыка святой, вывести нас, его сторонников, из недоразумения, в каком мы остаемся по прочтении Вашей книжки „Душа и ангел — не тело, а дух“. Благоволите объяснить нам, хотя в возможной краткости, что показалось нам в ней загадочно, быть может, по невежественному нашему тупоумию. Этим Вы окажете нам, простецам, благодеяние и успокоите нас, так как книжка Ваша (скажу откровенно) произвела в нашей братии, особенно в старшей, более начитанной, немалое смущение. Одни, заключая по разбору „Слова“ о крайней слабости в логике писателя, в Бозе почившего преосвященного Игнатия⁴, поослабели в доверии и к прочим его произведениям; другие, глубже проникнутые разумом его учения, пожалели, что

¹ См. письмо еп. Феофана к обер-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву от 6 августа и 26 декабря 1891 г.

² *Агафангел (Воскресенский; 1824–2 октября 1902)*, игумен, наместник (второе лицо после настоятеля) Троице-Сергиевой пустыни Санкт-Петербургской епархии. Сочинение: Досути инока: наместника Троице-Сергиевой пустыни игумена Агафангела. СПб. 1901. 119 с.

³ Душа и ангел — не тело, а дух (Против брошюр: «Слово о смерти и прибавление к сему слову»). М.: Тип. И. Ефимова, 1891.

⁴ Святитель Игнатий (Брянчанинов), епископ Кавказский и Черноморский (17 февраля 1807–12 мая 1867).

нет в живых любимого их наставника, который мог бы дать свою отповедь на критику. На меня же, собственно, книжка произвела грустное, удручающее впечатление. Я изумился — в каком жалком, карикатурном виде представлен в ней мыслитель, пред которым я всегда благоговел, уважая его необыкновенную, редкую начитанность и близкое знакомство с творениями почти всех св. отцов и известных учителей Церкви, дух и смысл которых он постиг умом и сердцем и сообщил нам таким высоконравственным словом, исходившим из его теплой и светлой души. Озадаченный, я внимательно перечитал его Слово с Приложением, тщательно вникая в каждое выражение изложенных в них мыслей, сводил и сопоставлял их. И какой же результат вышел из моего анализа? Я убедился, что между критикой и автором возникло недоразумение, что оппоненты друг друга неясно поняли. Об этой догадке моей Вашему Преосвященству уже известно. Она показалась Вам незаслуживающей внимания. Вы изволили заметить: „Как не понять слов — душа не дух, а тело“. Потом прибавили, что преосв. Игнатий не говорил, что его не поняли, а отстаивал свою прямую мысль. Но ведь встречаются иногда в споре недоразумения, которые препятствуют противникам прийти к более или менее близкому соглашению. Вот это-то и случилось между критикой и защитой „Слова“, что я и попытаюсь доказать.

Повод к недоразумению подал сам преосв. Игнатий не везде ясным и последовательным изложением своих мыслей, отрывочно разбросанных в Слове, и крайне лаконичными выражениями и намеками в Приложении. Это произошло не от недостатка светлого ума в нем, не от путаницы понятий, а потому, что он писал сочинение без детального плана, просто в виде набросков. Следовательно, немудрено, что бегло прочитавшие Слово не всё могли понять в нем ясно. Я и не виню читателей, не пеняю и на критику, а только укажу ей, что она проглядела. Обращаюсь к заметке Вашей. Вот на нее прямой ответ покойного Преосвященного: „Ангелы называются бесплотными, невещественными по той причине, что не имеют нашей плоти,

нашей грубой вещественности, не подлежат нашим чувствам. Называются разумными, мысленными по главному отличительному их свойству: уму или духу⁴. О душе он мнит так же, как и об ангелах, т. е. признает в ней такую же вещественность и такое же присущее ей духовное свойство, составляющее вместе одно целое существо.

Можно ли заметить в этих словах хотя признак той нелепой мысли, тот ультра-материализм, за которые Преосвященный попал под суд критики? Видно только, что он отличает душу от духа, как отличал св. ап. Павел, как отличали многие древние учителя — прямо, а косвенно — и все св. отцы⁵. Значит, ироническое замечание насчет мнимой мысли Преосвященного, что „ныне вещество рассуждает“ и пр., оказывается излишним. Вы сами, Владыка, не против частного мнения, по которому „души и ангелы суть духовные существа, облеченные тонкою вещественною оболочкою“, хотя допускаете и даже одобряете его как-бы снисходительно; однако же, говорите, что такой „образ представления бытия душ и ангелов самый удобный для понятия, совершенно мирящийся со всеми сказаниями о явлениях ангелов и душ и легко решающий все относящиеся сюда вопросы“.

Мысль об оболочке духовных существ Преосвященного не удовлетворяет, полагаю потому, что всякая оболочка может быть отделима от облекаемого ею существа и потому еще, что воскресшему человечеству пришлось бы облещись в другую оболочку — в измененное тело, что представить довольно странно. Он признает просто вид душ и ангелов за вещественный организм — и даже человекообразный, основываясь на видении великого Макария⁶ и на явлениях ангелов в человеческом образе.

⁵ Подчеркнуто. Поверх текста стоит знак (x) и ссылка на текст: «это именно старался объяснить и доказать преосв. Игнатий. Насколько он прав — речь впереди».

⁶ Скептики могут сравнивать видение вел. Макария с видениями душевнобольных, которые по аномалии представлений видят иногда своих двой-

Здесь ожидаю возражения: если душа и дух — существо единое и если душа вещественна, а дух невещественен, то какая может быть между столь разнородными естествами органическая связь, без которой не может составиться существо целое, хотя бы и двучастное?

А коль так, то придется предположить одно из двух: или дух есть разумная, мыслящая способность души (мнение былое), и тогда душа будет разуместь и мыслить своими способностями, т. е. сама собой, своим веществом; или вещественная душа есть, так сказать, вместилище духа, как тело есть вместилище души, тогда она будет — та же оболочка. Значит и в том, и другом случае Преосвященный остается неправ, неправ и против себя, если действительно отвергает мысль о разумной материи⁷. — Да, он был бы неправ, когда бы, веря в прямой смысл апостольских слов, не различал душу от духа, которому исключительно присваивает разумные способности и животворное влияние на душу (а не обратно), оживляющую в свою очередь наше бренное тело⁸ (Говорю так не собственными сло-

ников, т. е. видят себя вне себя, как в зеркале. Такие случаи известны в психиатрии. Патология душевных болезней называет такой обман чувств *delivium nevrosum*. Но какая разница между видением, или верней — таинозрением, духоносного отца и галлюцинацией больного! Мне уже приводилось слышать такие сравнения от мудрецов века сего, потому-то я и счел, кстати, напомнить о душевных видениях, о которых Вы, Владыка, знаете, конечно, более меня и не по естественным наукам. — *Примеч. иг. Агафангела.*

⁷ Могут сделать и более умные замечания против основной мысли преосв. Игнатия. Но не будут ли они одной игрой диалектики, от искусства которой много зависит вероятность идей лживых и правдивых. Замысловатая фразеология часто сбивает нас с толку и заплетает настоящий гордиев узел. Мысль Преосвященного может казаться несостоятельной, но она проста и искренна. — *Примеч. иг. Агафангела.*

⁸ Надеюсь, что такое мнение совершенно чуждо заблуждению Аполлинария, который признавал в человеке две души: животную и разумную. О животной душе в «Слове о смерти» и намек нет. Вид человеческой души — не животная душа, свойственная всем живым неразумным тварям и заключающаяся, по Ветхозаветному учению, в их крове. — *Примеч. иг. Агафангела.*

вами Преосвященного, а соображаясь с значением всех мыслей, изложенных в „Слове о смерти“. Боюсь — не навязать бы ему моего собственного мудрования. Тогда грех мой и повинность — за мной). Как творится соединение и взаимное соотношение частей человека, св. Апостол не объяснил нам, и никто еще не проник в эту тайну, даже великие учителя Церкви не сказали о ней ничего положительного или благоразумно умалчивали. Безмолвствуют перед этой тайной и все гадали по стихиям физического мира, все философы, психологи, психиатры и физиологи (не говорю о глубоко заблужденных в своей умственной лаборатории, а равно и о поверхностных дилетантах науки в роде фохтов⁹, молешотов¹⁰ с братиею, порожденных пресловутым Дарвином¹¹). Приходится оставаться при одних гипотезах. Но к ним я не отношу мысль о телесности души, ибо она, по убеждению моему, имеет твердое основание на другом изречении того же верховного Апостола (объяснюсь далее). Чтоб оправдать свою мысль, Преосвященный рассуждает так: „Близкая связь души с телом, несмотря на значительные между ними различия, имеет и нечто общее... сродство. Если б не было сродства, не могло бы быть никакой связи. Если есть сродство, то душа необходимо должна иметь некоторую свойственную себе вещественность“¹².

К такой же мысли пришли путем логическим не какие-нибудь спириты Пьерары¹³, а и более серьезные мыслители. Локк¹⁴

⁹ *Фохт (Фогт) Карл* (Carl Vogt; 1817–1895) — немецкий естествоиспытатель, зоолог, палеонтолог, врач, философ, представитель вульгарного материализма.

¹⁰ *Молешотт Якоб* (Jakob Moleschott; 1822–1893) — немецко-итальянский физиолог и философ нидерландского происхождения, представитель вульгарного материализма.

¹¹ Все это выродки натуральной школы (Système de la nature), во главе которой стоял Дидрот. — Примеч. иг. Агафангела.

¹² Преосвященный называет эту вещественность и эфирною — применительно, не зная более никакого тела из всех известных науке. — Примеч. иг. Агафангела.

¹³ *Пьерар Зефир-Жозеф* (Zéphyr-Joseph Piérart; 1818–1879) — французский историк и издатель, приверженец спиритизма.

¹⁴ *Локк Джон* (John Locke; 1632–1704) — английский педагог и философ, представитель эмпиризма и либерализма.

сказал, что „теории трудно предположить как мыслящее вещество, так и влияние невещественного деятеля на материю“.

То же говорят и известные психиатры. Они признают присутствие в человеческом организме деятеля духовной природы, проявляющего способности разума и воли, но решительно отказываются понять, как такой деятель, столь разнородный с веществом, может действовать на него непосредственно. Вот на такую-то посредницу и указывает преосв. Игнатий, т. е. на вещественную душу.

Мне показалось, что Ваше Преосвященство, критикуя все доводы покойного Владыки, взятые им из физики и химии для поддержания своеобразной его мысли о вещественности души, как будто возбраняете прибегать при обсуждении истин св. Веры к сторонним для нее внешним научным познаниям и пособиям. Не ошибаюсь ли я? Вам более, чем мне, известно, как отзывался о внешней учености св. Григорий Богослов, какую пользу признавали в ней и другие великие св. отцы. Преосв. Макарий говорит (Введ. в догм. богосл.¹⁵), что „отцы и учителя древней Церкви не только не отвергали законного употребления разума и знания в области веры, но считали это необходимым, и когда раскрывали в подробности христианские догматы, особенно против неправомыслящих, то отнюдь не ограничивались при этом одними свидетельствами св. Писания и св. Предания, а имели обычай обращаться и к здравому смыслу человеческому, призывали в помощь диалектику, философию, естествознание и другие науки“. В это время состояние естественных наук было, сравнительно с нынешним, очень слабо; но и тогда уже существовали в них положительные истины, добытые трудом ученых, которыми потому и не пренебрегали великие умы церковных учителей. Отчего Вы, Владыка, восстаете против нынешнего естествоведения, очищенного от многих ошибок и обогащенного множеством не-

¹⁵ Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский. Введение в православное богословие / Соч. архим. Макария, инспектора и проф. богословск. наук в СПб ДА. СПб, 1847.

сомненных открытий из тайн природы? — Оттого отвечаете, „что ныне, с преобладанием направления к естествоведению, развилось охлаждение к вере в Бога и Его промышление. Оттого, что науки эти не хотят знать могущества Божия. Для них ничего нет могущественнее законов природы. Идею о Боге отодвинули они в сторону“. — Сомневаюсь, можно ли, следует ли винить в том серьезных тружеников науки. Во всяком случае, *non ars, sed minister culpandus*¹⁶. Не отрицая вред, какой делают безумные или злонамеренные ее толковники, эти своего рода еретики, я соглашаюсь с мнением преосв. Игнатия, что „истины Веры находятся в единении с истинною наукою“ и что „наука отвергать Бога не может“. Если, по учению св. Апостола, *невидимая Его, твореньми помышляема, видима суть, и присносущная сила Его и Божество*¹⁷, то вправе ли мы осуждать ту науку (естествоведения), которая раскрывает еще несравненно больший кругозор на видимую вселенную, чем тот, какой мы имеем при простом на нее взгляде, и тем не устраняет¹⁸, а внушает идею о Боге, возбуждая в нас благоговение к всемогущему и дивному художеству Творца всяческих.

Точно так же и в законах природы благоразумный исследователь видит не нечто случайное, как суетумудрствуют позитивисты, а премудрость Божию, положившую всему веществу „вес, число и меру“, а равно и все другие его свойства¹⁹. То же почти говорите, Владыко, и Вы; но замечаете, что не только злоупотребление науками, но и увлечение ими и самые предметы их отдаляют помышления о Боге. — Да, они не предлагают ду-

¹⁶ *Non ars, sed minister culpandus* (лат.) — Не наука повинна, но (нерадивый) служитель ее.

¹⁷ Ср.: Рим. 1:20.

¹⁸ И св. Григорий Богослов говорит: «ученость внешняя не удаляет от Бога» («Введение в догматическое богословие» преосв. Макария). — *Примеч. иг. Агафангела*.

¹⁹ Известно Кому приписывали законы природы знаменитые ученые Ньютон, Кеплер, Гершель, Либих и мн. др., а из современников — Фламма-рион (последний, впрочем, писатель — второстепенный деист). — *Примеч. иг. Агафангела*.

ховной пищи, не касаются прямо идеи о Боге, а лишь ведут и приближают к ней своим путем. Да и какой же предмет из всех дел человеческих, кроме духовного, касается близко богопознания? Положим, что науки, при неразумном и неосторожном с ними обращении, приносят немалую долю зла для безумцев и маловеров, но немислимо было бы протестовать против них самих, когда мы знаем, какую разнообразную пользу доставляют они для нашего существования. Стоит только оглянуться кругом — и мы поймем, чем и сколько им обязаны. Без естествознания и иных сродных ему наук мы оставались бы беспомощны при всех неизбежных и необходимых потребностях для нашего существования; даже не имели бы способов для внешнего служения Богу. Искусство строения и украшения храмов Божиих, вся утварь, составляющая внутреннее их благолепие, летосчисление, нужное для порядка богослужений, святые изображения, печать книг и нот для чтения и пения, словом, все и вся сюда относящееся — суть изобретения и дар наук на общую пользу и во славу Божию. Сколько всего произвели на свет безбожные физические и технические науки, этого не перечтет никакой энциклопедический лексикон²⁰. И пусть люди науки делают свое дело, как всякий должен делать свое, на что кто призван есть для служения общему благу. Не без воли Провидения природа внедряет в людях различные склонности и дарования. Но от знания научного или незнания прямо зависит наша вера, а от доброй воли и действующей на нее силы слова Божия. Не помешало знание Иустину Философу познать в распятом Христе Богочеловека, не помешало и незнание безумцу глаголать в сердце своем: *нести Бог*, когда наука была еще едва в зачатии.

Итак, я стою за науку, но понятно, такую, которая не только не противоречит Св. Писанию, но и просвещается им. Иначе

²⁰ Пища это с помощью очков, я вспомнил, что мы, старики, не могли бы без них прочитать путем и молитвы, а престарелые священнослужители вынуждены были бы отказаться от священнодействия. — *Примеч. иг. Агафангела.*

она может привести своих последователей в такое заблуждение, из которого не выпутаешься посредством одного разума. Потому-то нынешние лжемудрецы, путаясь в понятиях своей умственной лаборатории и тщетно отыскивая причину причин, приводящих в действие законы природы, признали ее в слепоте, обоготворяемом ими случае. Потому-то и древние мудрецы Афинской школы, имевшие некоторое смутное представление о „неведомом Боге“, не умудрились понять и принять проповедь св. апостола Павла об истинном Боге, хотя и оставили нам в наследство многие истины, объясняющие — почему „языцы, закона неимущие, естеством законная творят“²¹.

Прошу извинения за многословие мое о науках. Впрочем, Ваше Преосвященство уделили немало места в своей книжке для них, отзываясь о заслугах и достоинстве их не очень-то выгодно²². Но каков ни был взгляд Ваш на науки, позволю себе спросить: менее ли зла происходит от невежества? Науки все-таки имеют и весьма полезную сторону. А невежество? (Я должен оговориться, что под словом „невежество“ разумею не простосердечную веру людей, не знакомых с лишними для них познаниями, а дикое изуверство, не знающее пределов в разгуле своих страстей.) Что о нем гласит наша отечественная история? Вспомним все внешнее неустройство Церкви около времени Междуцарствия (от Иоанна Грозного и ранее до падения Патриарха Никона и позднее). Недаром принимались в то время строжайшие споры против крайней распущенности низшего черного и белого духовенства, отразившейся и на гражданском быте народа; недаром писались вразумительные

²¹ В книге «Премудрость и благодать Божия в судьбах мира и человека» мне привелось когда-то с удовольствием прочитать суждения автора о значении древней языческой философии, послужившей к уяснению истин Св. Писания. — *Примеч. иг. Агафангела.*

²² Заметно, однако же, что Вы не вовсе чуждаетесь наук: в книжке о молитве, за содержание которой я сердечно благодарен, приводится пример — даже из астрономии. Пример к этому очень подходящий, но как поймут его простецы, не имеющие никакого понятия о Солнечной системе, о круговращении планет, о тяготении и т. п.? Да и нужно ли им такие чудеса открывать? — *Примеч. иг. Агафангела.*

грамоты ко всем мятущимся и заблудшим из Сергиевой лавры. Что, коль не невежество распужило²³ тогдашнее церковное стадо и произвело наконец в Церкви раскол со всеми печальными его последствиями?

Не то мы видим ныне, когда пастыри стали люди образованные, когда наставления их и школьное учение перевоспитали народ в значительной степени и сделали его более осмысленным и нравственным. И это не оптимизм. В храмах Божиих ныне незаметно и тени того безобразия при богослужениях, какое творилось в былое время: во всем соблюдается порядок и благочиние. Мы с утешением видим в нашей обители стечение великого числа богомольцев, в среде которых замечаются и люди интеллигентные. В таком же количестве наполняют церкви в дни праздничные и жители столицы, этого центра научного образования. Значит, пенять очень на нынешнее безверие, мне кажется, напрасно. А если встречаются в пасомом стаде заблудшие овцы, зачумленные бредом лженаучным, всегда и везде бывалые, то они уже теперь не так опасны: против заразы их стоят на страже пастыри, вооруженные своей наукой, которая сильна разогнать и просветить, при помощи Божией, всякую тьму неведения и исцелить всякую духовную язю в людях. Если же слово Божие не подействует на безумных, подействует кара.

Я не признаю всем своим помышлением за неоспоримую истину одно немощное гадание о видимости души и ангелов, как бы оно ни казалось мне вероятным, и потому обращаюсь к Св. Писанию и святоотеческим учениям. В них я нахожу подтверждение мысли преосв. Игнатия о „видимости“, основанной на научной теории и доводах разума.

Тот же верховный Апостол, который поведал нам о разделении души и духа, глаголет: *сеется тело душевное (разумею наше брненное тело), восстает тело духовное*²⁴.

²³ Распужило, распудило (церк.-слав.) — распугало, разогнало, рассеяло.

²⁴ 1 Кор. 15:44.

Это говорится об измененных человеческих телах по воскресении мертвых. А какой смысл заключается в пояснительных словах Апостола: *ибо есть тело душевное и есть тело духовное*²⁵. Здесь говорится (выражусь грамматически) не в будущем времени, а в настоящем: *есть*. К кому же относятся слова: *есть тело духовное?* Дерзаю мнить, что к ангелам.

В видимость небесных духов, по убеждению Преосвященного, верили и все св. апостолы, и все современные им христиане. На это он приводит примеры. Самый доказательный был при внезапном явлении воскресшего Спасителя Своим ученикам в храме, бывшем *дверем затворенным*²⁶. В смущении они *мняху дух видети*²⁷. Спаситель не отверг их верования в видимость духа, доступную, по воле Божией и телесному зрению, а только пояснил, что *дух плоти и кости не имать*²⁸. Как кому угодно, а я признаю, что мнение Преосвященного о тонко-вещественном виде духовных существ оправдывается и словами Самого Спасителя.

Оправдывают это мнение и различные видения и явления небесных сил человекам: при рождении Христа Спасителя бесчисленный собор ангелов славословил Бога, по свидетельству видевших и слышавших то Вифлеемских пастырей²⁹; при последних страдальческих минутах жизни своей св. первомученик Стефан видел отверстое небо и в нем сонм ангелов и Самого Христа, стояща одесную Отца. Ужели такие видения — не более как одни иллюзии расстроенного воображения? Грех так и подумать. Если же они не обман чувств и не экстаз благочестивого настроения, то какая может быть цель Провидения

²⁵ Ср.: 1 Кор. 15:44.

²⁶ Ин. 20:19.

²⁷ Лк. 24:37.

²⁸ Лк. 24:39.

²⁹ Задается иногда наивный вопрос: на каком языке ангелы могут устно и гласно славословить Бога. Отвечаю: на земли — на всяком существующем, на всех, на каких могли и св. апостолы проповедовать Евангелие; на небеси — на своем, для нас здесь непонятном и невыразимом, соответственном их высокому разуму и святым чувствам.

являть людям сверхъестественное, которого в действительности не существует? С целию промыслительной? Да, и Святая Троица³⁰ явилась праотцу Аврааму в виде трех странников, и Святой Дух явился при крещении Богочеловека в виде голубя. Но то всемогущий Бог, а не творения дел рук Его, не ангелы, творящие волю Его, которым Он дал раз-навсегда определенный образ, как и человекам. Образ свой они, по той же святой воле, могут изменять, являясь людям иногда в умаленном, смиренном виде человека, из снисхождения к нашей немощи (*увы мне, яко ангела Божия видехом*³¹), иногда — в святозарном, как при гробе Господнем. Об одном из них повествуется: *и бысть зрак его яко молния*³². Таков ли вид ангелов на небе — тайна.

Итак, понимая вышеприведенные слова св. Апостола в сказанном смысле, возможно и не бессмысленно предположить, что есть тела духовные на небе, какие предназначены в будущем веке и спасенному человечеству, т. е. пребывают там видимые блаженные существа. А из этого следует, что есть для них и видимая обитель, или то место упокоения, которое уготовано и праведникам. Что обитель эта находится где-то в пространстве вселенной, в неизмеримом отдалении от Земли, что она видима, как видимы и ее святые обитатели, выну прославляющие Триипостасное Божество, об этом свидетельствует сам Апостол, который восхищен был до третьего неба. Но что он там видел и слышал, того не мог нам объяснить сколько по неспособности нашей понять все непостижимое превысшее, столько и потому, что ни вещество, ни образ небесного мира не имеют ничего общего, аналогичного с миром земным и его бранным веществом.

Таково мнение преосв. Игнатия об ангелах, которое я выво-

³⁰ Известно, что по толкованию одних из св. отцев — Святая Троица, по толкованию других — Бог и два Ангела. Я предпочитаю первое, более в нашей Церкви принятое. — *Примеч. иг. Агафангела.*

³¹ Ср.: Суд. 6:22. *И виде Гедеон, яко ангел есть Господень, и рече Гедеон: увы мне, Господи, Господи, яко видех ангела Господня лицем к лицу.*

³² Ср.: Мф. 28:3. *Ангел бо Господень сшед с небесе, приступль отвали камень от дверей гроба и седяше на нем: бе же зрак его яко молния, и одеяние его бело яко снег.*

жу из „Слова о смерти“. По отзыву Вашего Преосвященства такое мнение есть — „новое учение“, не только несостоятельное в отношении здравомыслия, но ложное и соблазнительное для православных христиан. В чем показалось Вам вредное новшество в учении Преосвященного, я уже объяснил. Учение это, по слабому разумению моему, может, пожалуй, показаться оригинальным, но оно небесмысленно и никак не вредно. В крайнем случае его можно принять лишь за „частное“ и позвольтельное. Допускаются же у нас при богословских суждениях об одном и том же предмете различные гипотезы, диаметрально одна другой противоположные. Так, в „Догматическом богословии“ преосв. Антония³³, одобренном Святейшим Синодом³⁴, видимость ангелов и места их пребывания признаются, а в богословии преосв. Макария отвергается. Которой стороны держаться? Чтоб не „хромать на оба колена“, что неудобно и нежелательно, приходится склониться на сторону того или другого богослова и усвоить те научные положения, какие покажутся более вероятными и понятными. Потому-то я, оправдывая мнение преосв. Игнатия, остаюсь на стороне преосв. Антония. Но сознавая свое скудоумие, на которое мало уповаю, я далек от дерзновенной мысли оспаривать ученийшего преосв. Макария, а искренно желал бы, чтоб Вы, Владыка святой, вывели меня и подобных мне неучей из следующего недоразумения.

Преосв. Макарий, приводя мнения церковных учителей и объясняя их, заключает, что ангелы, как разумные духи, не имеют ни вида, ни очертания и потому не зависят от места, а следовательно, не имеют и надобности в движении и времени для него³⁵, каким подчинено всякое тело, какова ни была

³³ Антоний (Амфитеатров), архиеп. Казанский и Свияжский. Догматическое богословие: в 2 ч. Киев, 1848 (8-е изд. 1862 г.).

³⁴ Не лишним считаю заметить, что в числе членов Св. Синода, одобривших богословие преосвященного Антония, был строгий и мудрый судия в православном учении, незабвенный Филарет, архипастырь Московский. — *Примеч. иг. Агафангела.*

³⁵ Я, разумеется, признаю, что для ангелов не по естеству их, а по благодати Божией, расстояния не существует. — *Примеч. иг. Агафангела.*

быстрота его передвижения (напр., свет и электричество). Он утверждает, что такое же понятие об ангелах внушает нам и св. Церковь в своих песнопениях. Приводит, для доказательства, одну из них, в которой ангелы называются существами мысленными, обитающими в месте мысленном, славословящих Бога мысленно. Прибавлю и от себя: в канонах св. ангелы называются также духами бесплотными, простыми, чистыми. Но все эти эпитеты имеют значение аллегорическое, и их можно понимать и не в том смысле, в каком понимает преосв. Макарий. Слово „мысленный“ может относиться не к самому предмету, а к мысленному представлению о нем. И Пресвятая Дева называется в тех же канонах и акафистах мысленным садом, мысленным виноградом, возрадившим нам плод живота и гроздь спасения — Христа. Мысленными звездами на тверди Христовой называются и святые угодники Божии. А что Небесные Силы могут прославлять Божество мысленно, то ведь и мы молимся и взываем ко Господу мысленно, и Он внимает нам, „приклоняет к нам ухо Свое“³⁶ (*Моисее, что вопиши ко Мне*³⁷, *возопих ко Господу и услыша молитву мою*³⁸). Умная и сердечная молитва не исключает молитвы словесной. Не лишены, быть может, и ангелы такой сугубой способности к вящему³⁹ их блаженству. Что касается до того, почему ангелы называются бесплотными и чистыми, простыми духами, то это известно уже из объяснений преосвященных Антония и Игнатия, т. е. они бесплотны по сравнению с нашим телом, с нашею дебелою плотию, а чисты и просты по духу.

Уж если ссылаться на песни церковные, то надо ссылаться и на другие места в богослужебных книгах, в которых преобладает духовно-поэтический аллегоризм и содержится истинное догматическое учение. Это церковное богословие, к сожалению, не во всем сходно с научным богословием преосв. Ма-

³⁶ Ср.: Пс. 114:2.

³⁷ Ср.: Исх. 14:15.

³⁸ Ср.: Ион. 2:2–3.

³⁹ Вящий (устар.) — более сильный, больший.

кария: церковное возвещает не только о видимости Царства Небесного, но и различает виды ангелов (херувимов, серафимов и др.); научное даст нам косвенно понять, что все выражения церковные о разновидности ангелов должно принимать за метафоры. Преосв. Игнатий приводит множество примеров, в которых слышится разногласие с Церковью ее чад, вполне, впрочем, благонамеренных и достойных всякого уважения, но увлекающихся, говорит он, предвзятыми идеями, навешанными им со вне. Я приведу здесь один, который показался мне стоящим внимания. В одной из стихир великопостных во всеуслышание возглашается, что по воскресении мертвых все земнороднии восстанут во едином возрасте. Преосв. Макарий решительно опровергает это церковное учение, признавая его за частное мнение преп. Ефрема Сирина и др.

Согласитесь, Владыка, что такое неединомышление в Дому Божиим может производить больший соблазн, чем недомыслие преосв. Игнатия, который всеми своими силами отстаивал церковное учение. Допустим, что он, при горячем усердии доказать истинность своих суждений в „Слове о смерти“ и в порывах оправдать их перед критикой в Приложении, мог так же, как и другие, кое-в-чем увлекаться и ошибаться; но непогрешим говорят, один Папа Римский, да и тот дает свои индульгенции для отпущения грехов вольных и невольных.

Останавливаюсь опять на мнении преосв. Макария об ангелах. Если они таковы, какими он их изображает, то что можем мы представить об образе их существования?⁴⁰

Не имея никакого отношения к пространству, ангелы, как существа ограниченные, не могущие быть в один и тот же момент повсюду, необходимо должны находиться где-либо как в единичном их пребывании, так и в соборном единении. А это и где-либо не мирится с мыслью о совершенной независимости их от пространства. Потом, какая надобность может быть

⁴⁰ Я знаю мнение святых отцов и учителей, которыми преосв. Макарий руководствовался, но прошу подождать до разъяснения этих мнений, в которых преосв. Игнатий находит единомыслие. — *Примеч. иг. Агафангела.*

для мысленных существ в таком месте, которое, как тоже мысленное, не имеет ни вида, ни очертания? Такое место может быть везде и во всякое время, где Бог, а Бог вездесущ. Или на то есть воля Божия, полагающая предел всему? В таком случае, если есть предел месту, то есть ему и очертание, и оно не может тогда называться или быть мысленным. Впрочем, я должен сознаться, что слово „мысленный“ в приложении его к месту для меня непонятно: оно все кажется мне какою-то диалектической отвлеченностью⁴¹. Сознаю и крайнее бессилие свое вообразить что-либо о существовании безвидной мысленной небесной твари, о которой преосв. Макарий имел, конечно, ясное представление, но почему-то в своем „Богословии“ о нем нам не сообщил, считая это, вероятно, лишним, неуместным и не требующим истолкования. Однако же вследствие такого пробела возбуждается нелегко решимый вопрос: каким образом в среде невидимых духов будет существовать видимое воскресшее человечество? Для решения этого вопроса предстает дилемма: или преображенные праведники будут тако же невидимы, что противно апостольскому учению о духовных телах; или они будут обитать в иных обителях, о которых упомянул св. апостолам Спаситель (*у Отца Моего обители многи суть*⁴²), что противно верованию св. Церкви, основанному на многих текстах Св. Писания.

Не знаю, как Вы, Владыка, решите этот вопрос, очевидно ставящий в затруднение и инославных писателей, слишком смелых и неразборчивых в своих догадках, а я нахожу одно к тому средство: прибегнуть к помощи того же Учителя языков. Он вразумляет нас, говоря, что воскресшие и прославленные тела будут причастны ангелам, т. е. праведники будут сообразны им и по виду, и по образу существования, что подтверждает и Сам Спаситель: *в воскресение... (человеки) яко ангели живут на небеси*⁴³.

⁴¹ Сказать, что представление о мысленном мире неотвлеченность — не значит объяснить, а тем паче доказать. — *Примеч. иг. Агафангела.*

⁴² Ин. 14:2.

⁴³ Мф. 22:30.

Затем благоволите решить и другой вопрос, которому я придаю еще большее значение: где святейшее тело Богочеловека, вознесшегося на небо и воссевшего одесную Отца? Видимо ли оно там или невидимо? Где нетленное тело Препоблагословенной Богоматери, вознесенное, по Ея преставлению, как говорит предание, тоже на небо, и видимо ли оно там? Не говорю уже о святых, взятых туда же живыми, из коих Моисей и Илия явились при преображении Господнем и беседовали с Господом. Обходить такие вопросы приходится одним поневоле, а другим по недостатку веры или по полному безверию в святые сказания, в которых они видят одну легендарность.

Думаю, что все такие и подобные им недоразумения легко разрешаются, когда мы уверимся, что „Третье небо“ или небеса небес, как и живущие в них святые существа, имеют видимый образ (какого рода вещество, составляющее их тонкую видимость, — вопрос сторонний и никогда не решимый). Мы поймем тогда яснее многое, что говорится об ангелах в Св. Писании. Для нас понятней будут слова Спасителя: *Ангелы выну видят лице Отца Небеснаго*⁴⁴, т. е. созерцают Его в каком-либо видимом проявлении Его славы. Для Бога все возможно. Явился Он видимо Адаму в земном раю, являлся и в различных видениях святым, сущим во юдоли изгнания. Во всем неприступном величии *Бога никтоже виде нигдеже*⁴⁵. И разумом (скажу словами наших двух знаменитых поэтов⁴⁶) „Его никто постичь не мог“⁴⁷. Высочайшие небесные духи „лишь мысль к Нему вознесть дерзают, в Его величьи исчезают, как в вечности прошедший миг“⁴⁸. „Чтоб Бога знать, быть должно богом“⁴⁹. Но могут быть степени к познанию и созерцанию Бога для чинов небесной иерархии.

⁴⁴ Ср. Мф. 18:10.

⁴⁵ Ин. 1:18.

⁴⁶ Державина и Крылова. Баснописец прежде писал и духовные стихотворения, из которых очень замечательно переложение псалма: Возлюблю Тя, Господи, крепосте моя (Пс. 17:1). Из этого стихотворения я и взял слова, «чтоб Бога знать...». — Примеч. иг. Агафангела.

⁴⁷ Ср.: Державин Г. Р. Ода «Бог». М.: Унив. тип., [ок. 1792].

⁴⁸ Ср.: Там же.

⁴⁹ Крылов И. А. Подражание псалму 17-му.

Так, быть может, Господь Бог открывает Себя разумным тварям, по мере дарованной им способности, двумя способами: в разумном *исповедании* Его совершенства и в *велелепоте* Его неприступной славы (*во исповедание и в велелепоту облекся еси*⁵⁰), в чем и состоит главное и величайшее их блаженство. Да и почему мы можем знать, что Небесному Отцу угодно, чтоб ангелы приближались к Нему только разумом, а не наслаждались и Его лицецерением? Разве Всемогущий и Всеведущий не может в одно время присутствовать видимо в сонме благоговейно предстоящих и служащих Ему чинов небесных, и быть везде, и вся исполнять? Так Сын Божий, находясь плотию во гробе, был в то же время „с душою во аде, в раи с разбойником и на престоле со Отцем и Духом“⁵¹.

Так думаю я, так думает и простой православный народ, не ведущий научных тайн, известных сравнительно немногим. Он в простоте сердца внимает поучениям своей святой Матери Церкви и, слушая глас Ея о тайном, невидимом сослужении нам в храме небесных сил, не остается в неведении о видимости их в ином месте и иными очами, помня, что и Спаситель, являясь ученикам по воскресении Своем во плоти, был по произволению Своему то видим, то невидим, узнаваем и неузнаваем.

Если такое думанье мое зело погрешительно, то прошу отпустить грех моего невежества по данной Вам, как Архипастырю, сугубой власти.

Чтоб выяснить все церковное учение об ангелах, душе, а также о рае и аде и вообще о загробной участи человечества и потом указать на согласие или несогласие этого учения с субъективными взглядами на то тех или других писателей, недостаточно одних набросков, а нужно крупное, систематическое произведение. Такое произведение было бы по силам Вашего Преосвященства. Говорю это с полным убеждением; читая,

⁵⁰ Пс. 103:1.

⁵¹ Ср.: Канон воскресен, творение Иоанна Дамаскина, глас 4. Песнь 1. Тропарь 2.

например, Ваше толкование на псалмы, я изумился глубине и изыскательности Вашего анализа. Быть может, при Вашем уме и словесном искусстве, Вам удалось бы и в кратком произведении сказать многое необходимое. И сколько пользы таким трудом Вы принесли бы Православию!

Я говорил выше (помнится — в выносках), что преосв. Игнатий не замечает разноречия у св. отцов и учителей о существовании души. Сколько я понимаю его, он основывает свое убеждение в том на искренней вере его в непогрешимость святоотеческого учения. Св. отцы, говорит он, не могли противоречить себе, признавая в душе то некоторую сложность, то совершенную духовность. Сложность они приписывали веществу души, а не духу, совокупность которых они называли, по принятому обычаю, душой (иногда духом). Сложность — тоже вещество. Как ни утончай, как ни раздробляй ее по градации степеней сокращенности, она останется все веществом. Равным образом, как ни сокращай какую-либо величину или число по правилу непрерывной дроби, никогда не дойдет до нуля. Иное свойство духа или (скажу словом Преосвященного) „иное высшие способности его“: ни разум, ни воля, ни чувства — ни отдельно, ни в совокупности не подлежат линейному измерению или очертанию и не имеют никакого отношения к пространству, а имеют лишь качественные совершенства, которые у небесных духов восходят до высочайшей степени, смотря по иерархическому их достоинству и близости к престолу Божественной славы.

Так, по мнению преосв. Игнатия, понимали и судили о существовании души и ангелов св. отцы и учителя церковные, а следовательно, хотя и не везде прямо и ясно, но и косвенно, признавали двучастность души, понимая в прямом смысле слова св. апостола Павла о разделении души и духа.

Для меня мудреное дело судить и рядить о том по своей фантазии. Пробовал я обратиться с вопросом о душе и ангелах к людям компетентным в духовных науках, но все они твердили почти одно и то же: „вопрос открытый“. А потому, уклоняясь

от всякого своего мудрования, останавливаюсь на предостережении великого Макария: „Ниже премудрии премудростию своею, ниже разумнии разумом своим возмогли понять тонкость души, или сказать, каким образом она существует, кроме тех, которым чрез Духа Святого открыто постижение и точное души познание“⁵². Действительно, может ли ум человеческий, открывающий тайны физического мироздания, открыть что-либо из тайн мира духовного, о котором умалчивает Св. Откровение? И св. отцы могли познавать душу лишь ощущением действовавшей в ней благодати, разуму же их не была открыта свыше самая ее сущность, о которой, как известно, они имели представление как бы „в зеркале и гадании“.

Во всем вышеизложенном я желал соблюсти нейтральность, но, кажется, не сумел, увлекся. Успел ли хотя сколько-нибудь оправдать пред строгой критикой мысли преосв. Игнатия, — увижу из ответа, если Вы, Владыко, меня им удостоите.

Как бы ни был он суров и „немилосерд“, я „уготовлюсь и не смущусь“⁵³. Добиваясь знать истину, самолюбие надо отринуть в сторону.

Прошу извинить великодушно мое многословие (тоже увлекся), о котором я поздно спохватился, а также простить за несдержанность и грубость тона в изложении, если таковой окажется. Я отвык от писательства и лет 15 уже не брался серьезно за перо. При том же, хотя и говорит пословица: *La politesse est l'exactitude des rois*⁵⁴, но она плохо приложима к простецам инокам.

⁵² Макарий Египетский, *прп.* Беседа 49, глава 4 // Преподобного отца нашего Макария Египетского, нареченного великим, духовные преподобные беседы, о совершенстве, христианам приличном и о снискании которого им стараться надлежит; в которых истинные христиане, яко в некоем священном кладезе, целение от недугов душевных и самое спасение неоскудно почерпать могут / Пер. с еллиногреч. яз. в МДА. : [В 2-х ч.]. М.: Синод. тип., 1839; Цит. у еп. Игнатия: Сочинения еп. Игнатия (Брянчанинова). СПб.: Тип. И. И. Глазунова, 1865. Т. 2. С. 594.

⁵³ Ср. Пс. 118:60.

⁵⁴ Неточная передача афоризма *L'exactitude est la politesse des rois* (Точность — вежливость королей), который приписывают французскому королю Людовику XVIII.

Еще несколько слов. До нас дошел слух, будто мы, Сергиевские монахи, поносим Ваши духовные сочинения. Это гнусная клевета. Несмотря на Ваш нелестный отзыв о „Слове смерти“ преосв. Игнатия, мы воздаем каждому из вас должное уважение, и из нас всякий может по совести сказать о себе: „я несть Павлов, несть Аполосов“, а в интересах святой истины — Христов⁵⁵. У нас и в Александро-Невской лавре Ваши сочинения читаются с сердечною благодарностью Вам. В доказательство осмеливаюсь препроводить при сем „Слово“ лаврского иеромонаха Вениамина⁵⁶, бывшего келейника преосв. Игнатия в Бабаевском монастыре. В этом „Слове“ заметите и благоговейную память ученика к почившему наставнику, и внимательность к Вашим литературным трудам, столь известным и назидательным.

Почтительнейше прошу Архипастырского благословения.

Вашего Преосвященства нижайший послушник, наместник Сергиевой пустыни иеромонах Агафангел.

Р. С. Я уже старик по 70 л., и в должности своей нахожусь около 30-ти лет. Недаром прозвали меня *недвигой*. Оселся на месте потому, что слаб здоровьем и настоятельства избегал, сознавая неумение властвовать и собою, не только другими».

АРПМА. Ф. свт. Феофана (Гворова). Оп. 24. Д. 43. Ед. хр. 4370. Л. 25–37 об.

Начало ноября⁵⁷. Письмо епископа Феофана к наместнику Троице-Сергиевой пустыни, игумену Агафангелу (Воскресенскому).

«Милость Божия буди с Вами, достопочтенный О. Наместник!

⁵⁵ См.: 1 Кор., гл. 3.

⁵⁶ *Вениамин (Василий Павлов)*, иеромонах Александро-Невской Лавры. Был последним келейником еп. Игнатия (Брянчанинова) в Николо-Бабаевском монастыре, оставил воспоминания о преосвященном: Воспоминания последнего келейника свт. Игнатия Василия (Павлова), впоследствии иеромонаха Александро-Невской Лавры.

⁵⁷ Письмо поставлено условно от «начало ноября», имея в виду письмо

Прошу извинения, что нескоро отзываюсь на Ваше почтеннейшее письмо. Вместе с Вашим письмом пришло одно дельце, требовавшее безотлагательного окончания, а когда оно заканчивалось, пришло другое такое же и еще взяло несколько времени. Так и протянулась отсрочка ответа Вам и сделала меня пред Вами без вины виноватым.

Берусь писать, но не думаю, чтоб мне удалось написать потребное скоро, потому что начало усиливаться головокружение, мучающее меня почти уже год, а при нем плохо работать головою. Час, много полтора, можно еще работать, а потом голова становится никуда негожею. Итак, прошу наперед потерпеть на мне долг мой. Все воздам, — только не духом.

Взявшись за перо, Вы в первых же строках заявляете, с какими целями беретесь писать. *Первая* — та, чтоб *защитить автора* „Слова о смерти и прибавления к нему“, обвиняемого в том, в чем, как Вам кажется, он неповинен. Вы намерены *смягчить строгий суд и приговор над ним*.

Замечаете ли, что Вы обвиняете меня в клевете? Ибо осуждать неповинного значит — клеветать. Но все, что мною было оговариваемо, взято из слов автора, из слов, выражающих мысли неудобоприемлемые. Автор высказал сначала неверную мысль, — потом доказывает ее обычным порядком доказывания богословских истин. Я разбираю доказательства и вывожу, что ни одно из них не доказывает того, что хотят ими доказать. Следствие отсюда какое? — То, что мысль автора неверна и он повинен в проповедании ее и защищении, потому что этим другие вводятся в заблуждение. Вы находите суд над

епископа Феофана к обер-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву от 6 августа 1891 г., следующее за ним — письмо игумена Агафангела к епископу Феофану, письмо преосвященного к Иордан В. А. от 10 ноября (где речь идет о переписке) и письмо от 15 декабря 1891 года к о. редактору «Церковных ведомостей»: «А ученики и ученицы преосв. Игнатия не уступают... и стараются как-нибудь оправдать его. Я получил порядочную тетрадь, но это был напрасный труд. <...> Я написал писавшему и руководясь его же мыслями, предложил ему вместо мнения брошюр, принять одно из высказанных отцами мнение...».

ним строгим и намерены смягчить его. Но если он верен, то смягчать его будет — ослаблять и затемнять истину. К тому же во всей моей книжке я всячески остерегаюсь касаться лица автора и имел дело только с неправыми мыслями. Строгий суд над ним — дело читающих. И это само собою строится: ибо истина являемая самым явлением своим осуждает противную ей не истину.

Вторая у Вас цель — понудить меня *вывести* Вас и Ваших из *недоумения*, навеянного моею книжкою, и *объяснить загадочности*, содержащиеся в ней. — Господи, помилуй! — Да что ж там такого недоуменного и загадочного?! В разбираемых статьях выражена неправая мысль и доказывается. Я разбираю доказательства и вывожу их недоказательность... и неправая мысль остается неправою. Все тут ясно, как день. Особенно ряд отеческих свидетельств разительно опровергает ложную мысль статей. И не думаю, чтоб по прочтении их могло у кого-либо еще остаться какое-либо недоумение или какая-либо загадочность. Были св. отцы, кои намеренно должны были опровергать появлявшееся в их время ложное мнение, точно такое же, какое проповедают и наши статьи. Св. Максим, например, по просьбе Кизического епископа должен был философски опровергнуть мудрование появившихся в той епархии мудрецов, кои толковали, будто душу следует считать вещественною, и притом из опасения как бы, признав ее невещественною, не возвысить ее до равенства Богу⁵⁸. Точь-в-точь, как толкуется и в наших статьях. Особенный трактат о невещественности души есть и у блж. Августина.

Говоря, впрочем, так, я не отказываюсь представить всякое объяснение и разогнать всякое недоумение и загадочность.

Позволяю себе предложить Вам, что для достижения той и другой цели Вам следовало бы отнять силу доказательности у моих доказательств. Ход дела этого требовал. Появилось и ложное учение. Когда его обличили, оно представило в защиту

⁵⁸ Стр. 116 в моей книжке. — *Примеч. еп. Феофана.*

свою доказательства. Я разорил эти доказательства. Вам что следовало сделать? Разорить мои доказательства. — И делу бы конец. Но Вы пошли другою дорогою, оставив напечатанное в моей книжке нетронутым. Преосвященный Игнатий подал Вам в этом пример, потому что и он, когда в журнале „Странник“⁵⁹ были пропечатаны возражения на его мысль о вещественности естества души и ангелов, не счел должным опровергнуть эти возражения, а написал *Прибавление к Слову о смерти*, усиливаясь доказывать свою неистинную мысль обычным порядком доказывания богословских истин. Возражения те и остались в силе.

Далее Вы заметку делаете о том, что подумали читавшие мою книжку. Одни подумали, что, вероятно, и в прочих писаниях преосв. Игнатия есть ошибочные мысли, а другие — что если б жив был Владыка, то он дал бы отповедь на критику. О первом очень жалею. Книжка вся занята одними неправыми мыслями о естестве души и ангела. О прочих писаниях Владыки и легкого намека нет. Сам же я чту их за высокое их достоинство, как и самого Владыку. Я бывал у него и слушал его наставления. Скажу более, — когда подошла черед читать мне уроки по аскетике в академии СПб., подробный конспект этой части христианского нравоучения я прочитал Владыке и получил одобрение его. Очерк аскетике составляет предмет книжки: „Путь ко спасению“. И самое „Слово о смерти“ я почитаю

⁵⁹ «Слово о смерти» еп. Игнатия (Брянчанинова) впервые было напечатано издателем журнала «Домашняя беседа» В. И. Аскоченским (СПб., 1862) и сразу же подверглось рецензии, составленной священником Павлом Матвеевским и помещенной в сентябрьском номере духовного журнала «Странник» за 1863 г., издававшегося протоиереем Василием Гречулевым (Матвеевский П. Рецензия на книги: Поучения. СПб., 1863; Слово о смерти. СПб., 1863; Чаша Христова. СПб., 1862 (обл. 1863) // Странник. 1863. Сентябрь. С. 26–36). Еп. Игнатий опубликовал отзыв на рецензию в журнале «Домашняя беседа» под псевдонимом «Православный». Впоследствии им было составлено «Прибавление к Слову о смерти», которое вошло во второй том «Аскетических опытов» 1865 г., а затем, значительно пополненное автором, было издано вместе со «Словом о смерти» отдельной книжкой уже после его смерти в 1869 г.

многополезным и назидательным и уверен, что не найдется ни одного из читающих его со вниманием, кто остался без сильного потрясения. Уж это враг навел Владыку на мысль втеснить в это Слово свое неправоe понимание состава естества души и ангела, и то только в начале, в 15–20 первых страницах, там и сям урывками, без нужды: ибо течение речи того не требовало и может оставаться ненарушенным, если выпустить все такие вносные фразы и выражения.

Второе обличает меня в трусости. Но скажу в оправдание свое, что писал к самому Владыке об этом, бывши еще во Владимире, хотя в самых общих выражениях, что не могу согласиться с его мнениями о душе и ангелах⁶⁰; а полный разбор „Слова о смерти и прибавления к нему“ я начал на покое уже, но еще при жизни Владыки; кончен же он и напечатан был уже по смерти его⁶¹. Что касается да Вашего личного впечатления от моей книжки — удручающего, как Вы выразились, то при Ваших познаниях и Вашей рассудительности — тихой и мирной, я не умею его понять, оно удивляет меня. Ваше глубокое уважение к Владыке как настоятелю и наставнику Вашему — достопочтенно, равно как и Ваше высокое мнение об его учености, жизни и характере. Но этих сторон моя речь и не касалась. То и другое разделяю с Вами и я; и когда писал свой разбор, его светлое лицо ни на одно мгновение не помрачилось в моем внимании.

Еще более удивляет меня то, что вынесли Вы из более внимательного прочтения спорных статей Владыки. „Я убедился, — говорите Вы, — что между критикой и автором возникло недоразумение, что оппоненты не поняли друг друга“. Но кто же из нас с Владыкою не понял другого? Владыка, когда писал

⁶⁰ См.: письмо Феофана (Говорова), еп. Владимирского и Суздальского, к Игнатию (Брянчанинову), еп. Кавказскому и Черноморскому, от 29 мая 1865 г. (РНБ РО. Ф. 1000. Оп.2. Ед. хр. 531. Л. 440–441; Летопись. Т. 3.), а также ответ еп. Игнатия (Там же. Л. 441–442).

⁶¹ Душа и ангел — не тело, а дух. Против брошюр «Слово о смерти» и «Прибавление к Слово о смерти». Тамбов: Тип. А. А. Студенецкого, 1867.

„Слово о смерти“, не имел оппонента, а когда писал прибавление к сему Слову для отклонения возражений на сие Слово, то оппонент ему был не я, а тот, кто напечатал в „Страннике“ те возражения. Выходит, что непонимающим своего оппонента остался я. Как оппонента моего не было в живых, то я представляюсь Вам непонимающим его статей „Слова о смерти“ и „Прибавления к нему“. Я слышал о такой мысли Вашей и до Вас, верно, дошло, что я сказал на это, именно, что предмет статей возбуждающий спор не таков, чтоб его нельзя было понять. Владыка утверждает и защищает вещественность естества душ и ангелов. Это повторяется у него неоднократно. Положение: естество душ и ангелов вещественно, понятно, и никакого недоразумения относительно прямого понимания его не было у оппонента, писавшего в „Страннике“ возражения именно против такого положения. Владыка сам видел, что его так понимают; и однако же, пиша „Прибавление к Слову“ по поводу тех возражений, не обличил оппонента в недоразумении, а признал его понятие о предмете спора верным. Когда я писал к нему, что не могу согласиться с его положением, что душа и ангел — тело, и меня он не обличил в непонимании, как следует его положение, и сказал только, что остается при своем мнении. — И так прошу освободить меня от обвинения, будто я не понимаю, как следует, основной мысли Владыки.

Затем Ваше прибавление: „ведь встречаются иногда в споре недоразумения, которые препятствуют противникам прийти к более или менее близкому соглашению“, — к нашему делу не приложимо. Могут быть здесь недоразумения в побочных каких мыслях, но о главной мысли спора недоразумение не может иметь места. И когда Вы взываете: „Вот это-то и случилось между критикой и защитой Слова, что я и попытаюсь доказать“; я могу смело ответить, что этого не случилось, и доказывать это — напрасный труд.

Наведши на меня подозрение, будто я не доразумел, о чем пишет Владыка, Вы спешите смягчить это обвинение, выражая мысль, что к недоразумению повод подал Владыка. Но вы-

ражая такую мысль, Вы обставляете ее такими фразами, которые никак не совместимы с предложенным Вами выше Вашим мнением о высоком уме и многообъятной учености Владыки. Ибо что Вы говорите? — „повод к недоразумению подает Владыка сам *не везде ясным и последовательным изложением своих мыслей*, отрывочно *разбросанных* в *Слове*, и крайне *лаконическими выражениями и намеками* в Прибавлении, что произошло... от того, что он писал сочинение *без детального плана*, просто *в виде набросков*“. Позвольте мне защитить Владыку. И „Слово о смерти“, и „Прибавление к нему“ написаны со всем вниманием, как и все его сочинения. Набрасывать мысли без плана, лаконически, в неточных и неполных выражениях может всякий, заготовляя заметки на будущее употребление, а целое сочинение писать так и еще издавать в свет, — не знаю, позволял ли кто, когда себе?

После такой похвалы Владыке и мне достается, хоть не в такой мере, — говорится, что я „бегло прочитав *Слово*, не все понял в нем ясно, и главное — проглядел, в чем суть дела“. А между тем взялся критиковать, и еще с такою строгостию. Хоть Вы не гневаетесь на критику и извиняете ее, всяко однако ж подаете мысль, что все мною написанное написано на ветер, не против того, что думал Владыка, а против того, что я сам нагадал при чтении его статей. После таких речей мне следовало бы просить Вас указать, что такое именно проглядел я; но Вы сами упреждаете мое желание и выставляете прогляденную мною главную мысль Владыки его собственными словами: „Ангелы называются бесплотными, невещественными по той причине, что не имеют нашей плоти, нашей грубой вещественности, не подлежат нашим чувствам. Называются разумными мысленными по главному *отличительному их свойству: уму или духу*“. — О душе он мнит так же, как об ангелах, т. е. признает в ней такую же вещественность и такое же *присущее ей духовное свойство*, составляющие вместе одно *целое существо*⁶².

⁶² Потрудитесь указать, где это написано у Владыки или это Ваш вывод: «одно целое существо». — *Примеч. еп. Феофана.*

Так это я проглядел?! Не могу счесть себя в этом виновным. Не проглядел, а не там глядел, где Вы. Вы взяли свою выписку из „Прибавления к Слову“, а я из „Слова“, где мысль, выражаемая Вашею выпискою, читается несколько иначе, именно: „Ангел и душа называются *бесплотными*, как не имеющие нашей плоти; называются *духом*, как существа тонкие, совершенно отличающиеся от предметов, составляющих вещественный мир“ (Слово, стр. 13 — в брошюре). Тут же они названы прямо *телом*: „они хоть и очень тонки по существу своему, однако же при всей своей тонкости суть тела, — тела тонкие эфирные“ (стр. 11). О свойственном им уме или о духе и помина нет в Слове, и даже слово *дух* толкуется намеренно так, что под ним не разумеется существо духовное (стр. 13 и 14). Слово — ум или дух читается в первый раз в „Прибавлении к Слову“ в выписанном Вами месте, и, видимо, как прибавка. И точно это прибавка, совсем не вяжущаяся с образом мыслей преосв. Игнатия, движущихся по всему пространству „Слова и Прибавления к нему“ (она вынуждена возражениями журнала „Странник“, как намекает сам Владыка в первых строках „Прибавления“). Поминается еще *о духе* в „Прибавлении“ и к концу (стр. 42) как о данной Богом душе — эфирной, тонковещественной, — *способности* к проявлению духовных действий. Это мною замечено и оговорено (стр. 204 и далее).

Но обратимся к Вашей выписке. Вы полагаете, что Вами приведенное место вполне выражает мысль Владыки. Я же этого не вижу. Тут отрицается только грубая в душе и ангеле вещественность; а что признается в них — не помянуто. Читая эти слова, можно дополнять их так: грубого тела не имеют, а имеют тело тонкое эфирное. И далее: так как иметь тело не то же, что быть телом, то таким образом выраженная главная мысль, спорная, о вещественности души и ангела, прикрывается и не бросается в глаза. Когда же вслед за тем говорится, что душа и ангел суть мыслительные существа по отличительному их свойству — уму или духу, то у читающего не может уже породиться никакая тревожная мысль о вещественности души и

ангелов... Выходит, все обстоит благополучно, и спорить нечего...

Такое впечатление от этого места действительно возможно. И Вы не пропустили воспользоваться этим, говоря: „Можно ли заметить в этих словах хотя признак той *нелепой мысли*, тот ультраматериализм, за которые Преосвященный попал под суд критики“. — Заметить можно подумавши немного, но сразу можно не заметить. Позвольте мне теперь в противовес Вашей похвале мне за нелепую мысль об ультраматериализме, похвалить Вас, что Вы *намеренно* так замаскировали главную мысль Владыки о вещественности естества души и ангела другими словами, что Вы *слукавили*. Вот мы и поквитались.

Берусь приподнять Вашу маску и для этого дополняю недосказанное в Вашей выписке.

Вот полная мысль Владыки, как она приводится в моей книжке (стр. 7): „Ангелы и души, хотя и очень тонки по существу своему, однако при всей своей тонкости, суть тела. Они тела тонкие, эфирные, тогда как, напротив, наши земные тела очень вещественны и грубы“ (Слово 11). „Один Бог — Дух. Кроме Бога нет другого существа, духовного по естеству“ (Слово 15). После такого решительного приговора можно ли подумать, чтоб Владыка допускал хоть какую-либо тень духовности в ангелах и в душах? И, однако ж, читаем, что ангелам и душам принадлежат как отличительное их свойство — ум или дух.

Ум, или дух, составляет отличительное свойство души и ангела. Ангел и душа суть в существе своем тела вещественные, хотя тонкие — эфирные. Следовательно, Вы допускаете, что вещество рассуждает, сознает себя, свободно действует, являет совесть и страх Божий, и проч. Ибо таковы неотъемлемые проявления и действия духа. Как же Вы меня браните, называя такую речь мою иронической, излишнею, мнимую; мнимую, т. е. мною придуманною, а не принадлежащею тем, кому приписывается. Такая мысль точно мною вызвана и высказана, а не Вами и не Вашими; но она непосредственно лежит в приведенных Вами словах Владыки. И отказаться от сего Вы не можете.

Идем далее. Утвердив, что в словах Владыки нет нелепой мысли ультраматериалистической, Вы продолжаете: „Видно только, что Владыка отличает душу от духа, как отличает ап. Павел и проч.“ — Очень рад это слышать. Как отличает? Вероятно, как отдельные субстанции или существа: ибо св. Апостол так разумел их. Душа и дух принадлежат одному лицу. Например, Вы и я — лица. И у Вас душа и дух, и у меня душа и дух, и всякого человека, и у всякого ангела — лице говорит о себе: „я“. Этому „я“ принадлежит сознание себя, свободное действие и ответственность за него. Этот „я“ — есть господин в нас. Но кому он принадлежит — душе или духу? — Конечно, духу. След., различая в себе душу и дух, мы должны господство в себе приписывать духу, а душу признать подчиненною ему частию, служебною. Душа, по-Вашему, вещественное эфирное тело. — Пусть. А дух невещественен. Таким образом, мы приходим к мысли, что в душе, эфирном теле, имеется некий господин, невещественный дух; выйдет, что ангел есть дух, облеченный в эфирное тело, — тоже и душа — дух, облеченный в тело эфирное, с помощью которого входят они в сочетание с этим нашим грубым телом. Несогласно ли это мое наведение с Вашими словами о душе: „о душе думает Владыка так же, как об ангелах, т. е. признает в ней такую же вещественность и такое же присущее ей духовное свойство, составляющее одно целое существо“. Одно целое существо составляют у Вас два естества — вещественное и духовное. Ваше слово: *свойство духовное* надо заменить словом: *естество духовное*, ибо свойство не может быть составною частью существа.

Давайте-ка руку, достопочтеннейший Отец, и заключим мировую... У нас с Вами мысли одни, и разница только в словах. Прочитайте при сем Вашу выметку из моей книжки, что „душа и ангел суть духовные существа, облеченные тонкою оболочкою вещественною“ и что „такой образ представления бытия душ и ангелов самый удобный для понятия, совершенно мирящийся со всеми сказаниями о явлениях ангелов и душ и легко решающий все, относящиеся сюда вопросы“. Да, я это при-

нимаю, но не по снисхождению, а по достоинству сей мысли. Она у меня стоит на одной линии с другою мыслию, которая мыслит об ангелах и душе как чистых и бестелесных духах по своему существу. В ином случае лучше одно из сих мнений, а в другом — другое. Главное, что занимает меня и заботит, есть опасение, как бы не распространилась и не укоренилась мысль, будто вещество может рассуждать, себя сознавать и свободно действовать, и высшие стремления иметь и обнаруживать... Вот это и есть ультраматериализм, которого избегать надо.

Так согласны?!. Ну так по рукам. Оболочка может быть признаваема неотделимою, всегда присущею, хоть в виде организма... и даже человекообразного. Как будет это в будущем веке — тогда увидим. Нам надо ограждать от опасных мнений в сем веке...

Как вещественное соединяется с невещественным, лучше решать так: соединяются на основе бытия реального; и дух реальное существо, и вещественное тело — реальное существо, и как реальные, могут взаимно друг на друга действовать и друг с другом соединяться. У Владыки где сказано, что Бог мог дать веществу тонкому способность мыслить. Гораздо легче допустить, что Бог дал духу способность действовать на вещественное.

Со следующим после сего наведением, что допустив дух как свойство или способность души вещественной, неизбежно принять, что или вещественное рассуждает... или что вещественное служит вместилищем невещественного существа... У меня эта мысль выражена выше. И то правда, что если можно из каких-либо мест его статей вывести заключение, что он сам отвергает мысль о разумности материи, то этим разорится в конец все его мудрование о вещественности естества души и ангелов. Говорю, если б можно... потому что это крайне трудно, так обе статьи переполнены разнообразно выраженными мыслями, что душа и ангел — тело, самое существо их телесно. И действительно, добиться до такого заключения — *pium*

*desiderium*⁶³. Но Вы порядочно уже достигли сего — выведя прямые заключения из слов „по отличительному свойству — уму или духу“.

Выраженные Вами мысли по сему поводу действительно Ваши суть мысли; но Вам нечего бояться за них. Они прямо вытекают из слов Преосвященного.

Что же это такое?! Вы только что осудили мысль Преосвященного строгою дилеммою. А тут опять на попятную. Начали Вы говорить еще о союзе духовного естества с вещественным, и сказав, что это определить и объяснить трудно было и есть для больших умов... кои ограничиваются одними гипотезами, прибавляете: но к ним, т. е. к гипотезам, я не отношу *мысль о телесности души*, ибо она, по убеждению моему, *имеет твердое основание* на другом изречении того же Апостола.

Подождем, что-то Вы откроете... а теперь пока выслушайте приговор, что Вы изменник истине, которая сама давалась Вам в руки.

Далее продолжаете Вы речь о союзе души с телом, представляя, как объясняет ее Владыка: „близкая связь души с телом, — говорит он, — доказывает, что несмотря на значительное между ними различие, они имеют и нечто общее, имеют — употребим выражение химии — *сродство*. Если бы не было сродства, не могло бы быть никакой связи. Если же есть сродство, то душа необходимо должна иметь некоторую, свойственную себе вещественность“. Вам следовало подивиться, зачем Владыка говорит о сродстве как особом средстве между душою и телом. Если душа вещественна, то и вопроса не может быть о том, как она соединяется с телом. Вопрос этот уместен там, где душу признают невещественною; и где потому естественно спросить, как эта невещественная душа соединяется с вещественным телом: ибо невещественное и вещественное противоположности, а не разности только. Разве Владыка сомневался когда в телесности души? Или, может

⁶³ *Pium desiderium* (лат.) — благое желание.

быть, он имел в виду других расположить к удобнейшему принятию своего учения о вещественности души, исходя из союза ее с телом. Вот ход его мыслей: „Связь души с телом очевидна. Они состоят в непрерывном взаимодействии. Связь эта не имела бы места, если б не было между ними сродства. Если же есть *сродство*, то душа необходимо должна иметь некоторую свойственную себе вещественность“. Прежде говорилось, что душе принадлежит ум или дух, как существенное ее свойство. Ум или дух, то же, что умность и духовность. Стало быть, видимы существенны — духовность и вещественность. Изумительное смешение понятий. Если душа вещественна, то не духовна, если духовна, то не вещественна. Если б он сказал, как пред сим говорилось у меня, что душа имеет оболочку тонкую, как посредницу между душою и грубым телом, этому было б нечего противоречить. Но когда он говорит, что в самой душе существенно есть вещественность, то этим вступает в противоречие с собою... ибо прежде приписывал душе — духовность.

Но обратимся опять к союзу души с телом. Необходимо ли для объяснения сего союза прибегать к гипотезе о сродстве души с телом и допущению ее телесности. Никакой нет нужды. У них есть сродство, как я уже поминал, именно — реальное существование. И душа, и тело на основе реальности действуют друг на друга и сочетаются друг с другом. Да и решение вопроса чрез допущение сродства делается какое-то странное. Спрашивается, как два противоположных естества состоят в союзе связи? Отвечается — отрицанием противоположности с одной стороны. Это похоже на развязку Гордиева узла. И почему такая большая уступка навязывается душе, а не телу?!

Вы приводите мнение Локка⁶⁴, что: „по теории трудно предположить как мыслящее вещество (это тоже, что приписать душе вещественность): так и ведение невещественного деяния на материю“. Так лучше уж оставить дело, как оно есть.

⁶⁴ Локк Джон, английский философ.

Есть связь. Это очевидно. А как она есть не объяснимо. Но объяснять ее уничтожением существенного свойства одной стороны — незаконно. Вон психиатры, как Вы замечаете, действуют основательнее. „Они признают присутствие в человеческом организме деятеля духовной природы, проявляющего способности разума и воли, но решительно отказываются понять (или голову ломать над понятием того), как такой деятель, столь разнородный с веществом, может действовать на него непосредственно“. Вот на такую-то посредницу, прибавляете Вы, и указывает преосв. Игнатий, т. е. на *вещественную душу*. Нет, он не на посредницу указывает, а совсем уничтожает противоположность и разнородность одного из деятелей примиряемых и совершенно не дельно, ибо оставляет за ним его действие невещественное и чрез то выдвигает какое-то чудовище — мыслящее вещество.

Затем Вы держите длинную речь в обличение мне, будто я унижаю достоинство наук. Мое об них мнение такое, что им следует своим заниматься делом, именно разработкою каждою своего предмета и со своими началами не втеснять в область религиозную, для них не досягаемую, ибо от этого одни заблуждения плодятся и путают бедное человечество, как доказывают неисчетные опыты. А почет должный я им всегда отдаю. Больше мне и нечего об этом говорить. Да это и у Вас так к слову пришлось, и непрямо к делу относится.

Вы занялись после сего доказыванием, что мысль Владыки о *видимости* души и ангела — верна. Мудрствовать об этом не хотите, а ограничиваетесь вернейшим способом — свидетельством Слова Божия и св. отцев. Но наперед спрошу Вас: зачем Вы берете на себя труд сей? У нас с этим спору не было. Возможен тут спор только о том, можно ли от сей видимости заключать к вещественности естества души и ангелов. Если Вы заговорили о сем, чтоб подтвердить справедливость такого заключения, то Вы напрасно потрудились. Ибо так заключать: поелику ангелы были видимы, то они по естеству вещественны, нельзя. Ибо они могли быть видимы по иным причинам:

или потому что принимали на себя тела для явления, или в самом творении были облечены в тонкое тело. Вы этого не поимели во внимании и даже доказываемую Вами видимость не довели до утверждения чрез нее вещественности. Чего же ради Вы трудились?!

Прежде всего Вы останавливаетесь на словах св. Павла: *есть тело духовное*. Даете вопрос: к кому это относится? и отвечаете: к ангелам. Вот и не справедливо. Впереди у Апостола стоит: *сеется тело душевное, восстает тело духовное*. И потом прибавляется: *есть тело душевное и есть тело духовное*⁶⁵. В обоих этих предложениях слова: душевное и духовное надо понимать одинаково. Но первое предложение: *сеется* и пр. относится к телам человеческим... След., и второе надлежит относить к ним же. В каком значении: тело душевное — тело страстное, а тело духовное — бесстрастное. Так это указание Вам не в пользу.

Второе место, на которое Вы указываете, служат слова Спасителя апостолам во время явления Его им по Воскресении: *дух плоти и кости не имеет*⁶⁶... Апостолы подумали, что явившийся есть дух, и ужаснулись. Чтоб отогнать от них эту мысль, Господь говорит: *осяжите меня, и увидите, что я не дух: ибо дух плоти и кости не имеет, как видите меня имущим*⁶⁷. Что разумел Спаситель под словом дух? Призрак. Подобный случай был прежде, когда Спаситель шел к апостолам по водам. Увидев Его, они ужаснулись, полагая, что это был призрак, как замечено Евангелистами⁶⁸. Состояния апостолов в обоих случаях одинаковы, и нечего прилагать к ним иное толкование. Вы говорите, что Спаситель не отвергал верования апостолов в видимости духа. У Спасителя было одно намерение — успокоить апостолов. Того, о чем Вы говорите, Он не думал. И вы-

⁶⁵ 1 Кор. 15:44.

⁶⁶ Лк. 24:39.

⁶⁷ Ср.: Лк. 24:39.

⁶⁸ См.: Мф. 14:26.

вод Ваш, что словами Спасителя подтверждается мнение о тонко-вещественном виде духовных существ... совсем не выходит... как ни натягивайте.

Ссылаетесь на ангелоявления и ангеловидения, чтоб подтвердить свою мысль о видимости их. Опять повторю — о видимости спора нет. У меня в книжке объяснено, что от видимостей заключить о вещественности естества ангела и души нельзя. И здесь выше не мною повторено, и сейчас говорю тоже... и прибавляю — доказывать видимость в нашем споре — излишний труд.

Опять Вы обращаетесь к слову Апостола есть *тело духовное*⁶⁹... и прибавляете... что видно есть тела духовные на небе. Прибавлю и я, что слова Апостола не говорят о небе... Это Ваша прибавка. Восхищение до Третьего Неба св. ап. Павла не может давать никакой определенной мысли по Вашему предмету, ибо что было там, о том Апостол ничего не сказал.

Подумав, что Вы решительно отстаиваете ложное мнение Преосвященного предыдущими указаниями на видимость ангелов и на явление их, Вы полагаете, что я напрасно назвал его *учение новым*. — Да, оно ново. И это доказано в моей книжке... Если бы Вы обратили поболее внимания на сказанное, то не пришли бы к вопросу... отчего оно так названо.

Наконец Вы хотите выговорить для себя право держаться учения Преосвященного как частного мнения. Вам думается, что учение Преосвященного оригинально. Но оригинальность в учении Церкви — не допускается. Все ереси оригинальны и все подпали под анафему. Учение о вещественности естеств ангелов и душ та же участь ждет, ибо оно противно самому духу христианства. Вы спрашиваете, чем может быть соблазнительно и вредно это учение? — Тем, что приводя в доказательство вещественности естеств ангелов, явления ангелов располагает к таким же помышлениям и о Боге. И Бог видимо является как ангелы. Если на основании сих явлений ангелов почитать в

⁶⁹ 1 Кор. 15:44.

естестве своем вещественность, что мешает то же заключение вывести и в отношении к Богу, т. е. что и Его естество вещественно. То Бог скажете... как всемогущий может принять на Себя вещественную видимость. Но по тому же всемогуществу, Он может и ангелам дать силу принимать на себя вещественную видимость, оставаясь в естестве невестественным.

Вот почему я считаю учение Преосвященного соблазнительным и вредным, и вместе с тем несостоятельным; и вследствие того непозволительным в среде верующих даже и как частное мнение.

Вы подпираете свое право на согласие с учением преосв. Платона⁷⁰, чтоб держать его в виде частного мнения, разногласием мнений о сем предмете преосвященных Макария и Антония, из коих последний будто бы согласен с мнением Преосвященного в своем богословии, разрешенном Св. Синодом. Но разрешено Св. Синодом также и богословие преосв. Макария. В этом отношении они равны. У меня нет под руками богословия преосв. Антония, чтоб просмотреть, какими словами он выражается... Может быть, он приводит это мнение в виде примечания, а не как решительное свое мнение. В таком случае нечего на него ссылаться. Преосв. Макарий выставляет свои мысли как решительные положения, согласные с общим учением Церкви. Напомню опять, что позволительно думать только, что ангелы бестелесны совсем и, когда являются, принимают тело эфирное... или что они постоянно имеют такое тело. Мнение же, что они в самом естестве своем телесны — непозволительно.

Указав, что преосв. Макарий в подтверждение своей мысли ссылается на песнопение Церковное, Вы прибавляете от себя: „в канонах св. ангелы называются духами бесплотными, про-

⁷⁰ В рукописи описка автора. Из сопоставления данного места с письмом иг. Агафангела (см. с. 128) очевидно, что речь идет об упомянутом у него архиеп. Антонии (Амфитеатрове), авторе «Догматического богословия Православной Кафолической Восточной Церкви».

О переписке свт. Феофана с игум. Агафангелом (Воскресенским)...

стыми, чистыми. Но все эти эпитеты имеют значение аллегорическое“. Все это простые слова и в них ничего нет иносказательного, что могло бы было понимать иначе. Вон в тех словах, которые Вы берете из богослужебных книг о Божией Матери все иносказания. Самые фразы требуют так их понимать „мысленный сад, мысленный виноград, грозд спасения“ и проч. Все это иносказания».

*АРПМА. Ф. свт. Феофана (Говорова). Оп. 24. Д. 43. Ед. хр.
4370. Л. 5–13 об. (Черновик);
Л. 48–66 об. (Копия)*